

Невенчаные солдатики: борьба за признание гражданских браков в годы Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны обнаружился факт распространённости в народе гражданских браков, что явилось полной неожиданностью для правительства и общества. По словам современницы, гражданские семьи составили «одно из первых “открытий”, сделанных петроградской интеллигенцией во время попечительских работ».¹ По разным попечительствам столицы, через которые оказывалась помощь семьям нижних чинов, 10 % и более составляли внебрачные семьи. Доля внебрачных семей была весьма значительна и в других местностях империи. Хотя неудовлетворительное состояние семейно-брачных отношений и законодательства о браке и разводе на протяжении десятилетий обсуждалось юристами, канонистами, государственными и общественными деятелями,² подлинный масштаб проблемы со всей очевидностью выявился в годы Первой мировой войны.

В отличие от России во многих странах в то время гражданские браки уже никого не удивляли и считались законными. Гражданский брак признавался как обязательный, факультативный или допустимый. К примеру, во Франции и Германии только гражданский брак имел законную силу, а значит, был обязательной формой брака, что не мешало желающим освятить свой брак в церкви. В Англии и США гражданские браки заключались факультативно, т.е. по выбору будущих супругов. Там признавались законными как гражданские, так и церковные браки. В Швеции и Австрии заключались церковные браки, хотя в случаях смешанных браков при невозможности церковного венчания, например, при заключении браков между христианами и иудеями, допускались гражданские браки, которые также считались законными.

В России была принята церковная форма брака для лиц всех вероисповеданий, признанных государством, и брак совершался по обряду той веры, которую исповедовали вступающие в брак. Исключение было сделано для подвергавшихся гонениям раскольников. Установление для них некоего подобия гражданского брака было вызвано нежеланием признать служителей их веры, рассматривавшейся <...> православию, духовными лицами Поэтому «Правилами о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников» от 19 апреля 1874 г. их браки

¹ Равич С. Из наблюдений городского попечителя // Русские записки. 1915. № 12. С. 57.

² См.: Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 195–254.

подтверждались записью в особые метрические книги, которые велись в городах и уездах местными полицейскими управлениями, а в столицах участковыми и частными приставами.³ Таким образом, их секуляризованный брак являлся следствием неравноправия раскольников, брачные обряды которых не имели юридических последствий.

Для большинства раскольников этот закон остался «мёртвой буквой». Опасаясь преследований, раскольники избегали общения с полицией и официальных записей своего гражданского состояния. Некоторые из них не хотели признать свои браки «раскольническими», иные при всём желании не могли «оформить» брак в полиции, т.к. вопреки своей вере числились православными. Высочайше утверждённым Положением Комитета министров 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» ведение метрических книг для записей рождений, браков и смертей старообрядцев и сектантов, отпавших от православной веры, было возложено на избиравшихся их общинами духовных лиц, именуемых в законе «настоятелями и наставниками».⁴ Положением Совета министров 12 февраля 1907 г. «Об издании временных правил для узаконения не записанных в метрические книги браков старообрядцев и сектантов, а также происшедшего от сих браков потомства» им дозволялось без всякого срока давности домогаться внесения заключённых прежде браков и рождений в метрические книги.⁵ По этому поводу известный цивилист Г.Ф. Шершеневич заметил: «Юридическая запутанность вопроса достигает высшей точки».⁶

Православная церковь относилась к гражданскому браку как к «любодейному сопряжению», «блудному сожителству», одному из смертных грехов — прелюбодеянию. С точки зрения государства гражданский брак был «незаконным сожитием» и вообще не считался браком. Поэтому в официальных документах чаще использовался термин «внебрачные семьи». «Гражданский брак — это также формальный брак, только лишённый церковного освящения и совершаемый перед гражданской, а не духовною властью, — только глубокое невежество

³ ПСЗ II. № 53391. Здесь и далее все даты в статье приводятся по старому стилю.

⁴ ПСЗ III. № 26126. Правила ведения этих метрических книг подробно разъяснялись в указе 17 октября 1906 г. «О порядке образования старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отпавших от православия сектантов». Браки старообрядцев и сектантов, отделившихся от православия и не признающих духовных лиц, записывались в книги, которые велись в городах городскими управами и городскими старостами, а в уездах — волостными правлениями (там же. № 28424). Местными властями велись также метрические записи баптистов и язычников.

⁵ Там же. № 28876.

⁶ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Изд. 11-е. Подгот. В.А. Краснотским. М., 1915. Т. II. С. 284.

могло использовать этот термин для обозначения внебрачного сожительства», — объяснял своим студентам профессор юридического факультета Московского университета Г.Ф. Шершеневич.⁷

Тем не менее, термин «гражданский брак» широко употреблялся в быту и в печати в значении нецерковного, а значит и незаконного брака. Эта особенность оставила след в русском языке. До сих пор под гражданским браком у нас часто понимается незарегистрированный брак, хотя все зарегистрированные, законные браки точно так же можно назвать гражданскими, т.е. заключёнными не в церкви, а в органах светской власти. Именно гражданский брак и никакой иной регистрируется в отделах ЗАГСа как акт гражданского состояния.

Еще в конце XIX в. профессор церковного права Демидовского юридического лица Н.С. Суворов, имевший репутацию канониста-западника, писал о различных и даже диаметрально противоположных точках зрения на гражданский брак: «По мнению одних, гражданский брак есть успех человеческой культуры, завоевание человеческого ума, несомненный показатель прогресса в истории человечества, даже признак христианской цивилизации. По мнению других, напротив, гражданский брак есть кошунственная пародия на брак, где нет ни одного слова о Боге и церкви, где нет ни одного священного предмета или символа, которые могли бы возбудить в человеке религиозное настроение! Здесь буквально человек заступает место Бога, и алтарь священника заменяется сукном чиновника».⁸

Профессор Новороссийского университета, доктор гражданского права А.И. Загоровский считал, что форма брака должна соотноситься с политической и гражданской зрелостью народа, и выражал следующее опасение: «В самом деле, не будет ли рискованным привить нашему простолыдину взгляд на брак как на простой контракт, как на обычную сделку гражданского оборота — куплю, наём и т.д. Не унижит ли это в глазах народа самый институт брака, и не послужит ли это приравнение его к повседневным сделкам прецедентом для такого же легкомысленного отношения нашего крестьянства к браку, с каким он подчас относится к другим актам частного права. Правда, некоторые думают, что народ наш уже и имеет подобный взгляд на брак, и находят в этом прекрасную почву для преобразования брака в народном духе».⁹

Можно было сколько угодно спорить о том, созрел или не созрел народ для гражданского брака, являлся ли гражданский брак призна-

⁷ Там же. С. 281.

⁸ Суворов Н.С. Гражданский брак. Изд. 2-е, доп. СПб., 1896. С. 10.

⁹ Загоровский А.И. Курс семейного права. Изд. 2-е, с переменами и доп. Одесса, 1909. С. 49.

ком разрушения или достижения цивилизации, упадка или прогресса нравственности, подрывом устоев семьи, общества и государства или продвижением к индивидуальной свободе, раскрепощению личности и гражданскому равноправию. Но что бы ни утверждали учёные мужи, существовала общая тенденция к легализации гражданских браков, и Россия не стала исключением на этом пути. Правовые нормы далеко не соответствовали установившимся в стране семейно-брачным отношениям и только усложняли жизнь людей. Для многих было уже очевидно, что рано или поздно гражданский брак будет узаконен, чему способствовала секуляризация общественного сознания. Война и революция ускорили этот процесс.

Казалось бы, в какой-то мере мы можем судить о распространённости незаконных гражданских браков в царской России по сведениям о внебрачной рождаемости,¹⁰ хотя внебрачные дети часто были «нежеланными детьми» со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до криминальных. Согласно официальной статистике, в 1910 г. внебрачная рождаемость в целом по 50 губерниям Европейской России составляла всего 2,3 %.¹¹ На основании этих статистических данных принято считать, что в России внебрачная рождаемость «по причинам морального и религиозного характера распространена не была и измерялась ничтожными величинами».¹²

Однако по свидетельству современников, гражданские браки не были редкостью, особенно среди малоимущего населения, что создавало серьёзные проблемы при организации призрения солдатских семей во время Первой мировой войны. Закреплённое законом право семей нижних чинов на призрение послужило поводом к выявлению распространённости «незаконных сожительств». Не будь у солдатских семей этого права, а следовательно и заинтересованности невенчаных солдаток в признании гражданских браков, вероятно, проблема внебрачных семей не получила бы столь широкого общественного резонанса.

В соответствии с законом 25 июня 1912 г. «О призрении нижних воинских чинов и их семейств» право на призрение за счёт средств Государственного казначейства получили семейства нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота, в государственном ополчении или в военных дружи-

¹⁰ О возможных каналах утечки достоверной информации см.: *Булгакова Л.А.* Внебрачная рождаемость в дореволюционной России (К вопросу об одной демографической загадке) // Страницы истории. Отв. ред. Р.Ш. Ганелин. Сост. А.С. Крымская. М., 2008. С. 367–380.

¹¹ Движение населения в Европейской России за 1910 год. Пг., 1916. С. II.

¹² Население России в XX веке. Исторические очерки. 1900–1939. М., 2000. Т. I. С. 62.

нах, иными словами — всех призванных при мобилизации из запаса и ополчения, задержанных на действительной службе после окончания её обязательного срока, и поступивших добровольцами.¹³ Весьма показательны, что этим законом признавались нигде не записанные браки старообрядцев и сектантов, семьи которых призывались так же, как и законные семьи нижних чинов. «Семейства принадлежащих к старообрядцам или сектантам нижних чинов, браки которых хотя и не занесены в подлежащие книги, но, по удостоверению волостного (гминного, станичного, а в Закавказье — сельского) правления, фактически существуют, приносятся наравне с семействами лиц, браки которых записаны в метрические книги».¹⁴

Жёнам и не достигшим 17-летнего возраста детям право на признание предоставлялось независимо от их материальной обеспеченности. По достижении 17 лет это право сохранялось только в случае доказанной нетрудоспособности детей воинов. Дочери теряли его раньше, если выходили замуж. Призвание распространялось также на родителей, деда, бабу, братьев и сестёр нижнего воинского чина при условии, «если они содержались трудом последнего». Никаких указаний на их возраст и трудоспособность в законе не было.

Право на признание означало право на получение казённого продовольственного пособия деньгами из расчёта стоимости по месту проживания «призываемого» 1 пуда 28 фунтов муки, 10 ф. крупы, 4 ф. соли и 1 ф. постного масла в месяц. Детям до 5 лет пособие полагалось в половинном размере. Стоимость «кормовой нормы» (пайка) изменялась в зависимости от изменения цен на продовольствие.¹⁵

Вопрос о признании внебрачных солдатских семей остро встал с первых дней войны. Многие из внебрачных семей практически ничем не отличались от тех, чьи браки были освящены церковью, — долгие годы невенчаные супруги жили вместе, вели общее хозяйство, растили детей, иногда по четыре-шесть и более ребятишек мал мала меньше. Внебрачные дети были существенно ограничены в правах, в частности в правах состояния и наследования, хотя «Правилами об улучшении положения незаконнорождённых детей» 3 июня 1902 г. им предоставлялось право наследовать благоприобретённое имущество матери.¹⁶ Незаконнорождённые дети стали именоваться внебрачными.

¹³ ПСЗ III. № 37507.

¹⁴ Там же. Ст. 61, примеч.

¹⁵ См.: Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: Из истории России второй половины XIX — начала XX века. СПб.; Кишинев, 2001. С. 429—493.

¹⁶ ПСЗ III. № 21566.

Обычно о незаконнорожденных детях пишут как об изгоях, подвергавшихся всеобщему осуждению и презрению.¹⁷ Б.Н. Миронов не без оснований указывает, что «родить вне брака считалось большим позором и для женщины, и для её родственников». Нередко родители отрекались от дочери, принесшей в дом дитя в подоле. Вместе с тем по разным губерниям наблюдались значительные колебания в отношении к добрачным связям и супружеской неверности. Например, в Киевской, Подольской, Рязанской и Херсонской губерниях «гулящие» подвергались жестоким наказаниям и издевательствам, в Новгородской губернии внебрачный ребенок не был парией и его мать не считалась бесчестной, а Пермская и Нижегородская губернии вообще отличались архаической свободой нравов.¹⁸ Клеймо незаконнорожденности омрачало жизнь людей, рождённых вне брака, недаром их называли «несчастными по рождению». Однако далеко не всегда «греховности» их происхождения придавалось какое-либо значение.

Война показала, что общество относится к гражданским бракам весьма терпимо и даже с пониманием и сочувствием. «Жизнь слишком сложна, чтобы можно было пренебрегать сущностью её: семьи “незаконные” не являются продуктом какого-то “разврата”, а необходимостью, которая лишь по третьестепенным причинам не получила формальной санкции». Размышляя о причинах распространения «незаконных сожительств», публицист газеты «Речь» писал: «Если до некоторой степени тому причиной является трудность расторжения браков, — в значительно большей мере существованию “незаконных” браков способствуют экономические условия жизни. И чем ниже социальная группа (ниже — в материальном отношении), тем чаще случаи “незаконных сожительств”. Метафизическая мораль и архаическая законность пасуют пред лицом жизни».¹⁹

Подобные мысли высказывала и сотрудница петроградского попечительства, обследовавшая несколько десятков солдатских семей, пятую часть которых составляли гражданские семьи. Она утверждала: «Гражданские браки не представляют из себя специфически петроградского или хотя бы только русского явления, хотя у нас распространению их в значительной степени способствуют отсутствие гражданской формы брачных записей и трудность разводов. Общие причины, способствующие распространению гражданских браков, это бедность, страх перед расходами, связанными с венчанием и особенно много-

¹⁷ Население России в XX веке. С. 63.

¹⁸ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства». Изд. 3-е, испр. и доп. СПб., 2003. Т. I. С. 182, 239, 245–246, 255–256.

¹⁹ *Русс П.Я.* Рассудку вопреки // Речь. 5 марта 1915 г.

численными в условиях нашего быта, вообще, страх перед браком и перед тягостями семейной жизни».²⁰

Гражданские браки, действительно, не были специфически петроградским или только русским явлением. Проблема стояла в общероссийском масштабе, но в Петрограде она высветилась особенно ярко. В столице проживали десятки тысяч семей нижних чинов. «Пришлый элемент» составлял абсолютное большинство её населения. В годы войны тысячи солдатских семей устремились в Петроград в поисках заработка.²¹ «Массы петроградских женщин несут в себе все следы переходного состояния между деревенской и городской культурой. Они отстали от деревенской культуры и не усвоили себе городской», — констатировала попечительница.²² В этом отношении какой-либо разницы между законными и незаконными солдатскими семьями замечено не было.

Свадьба была не по карману беднякам. Обычай требовал справлять свадьбу с размахом, не скупясь на подарки, выпивку и угощение. В начале XX в. самая скромная свадьба обходилась каждой из сторон в 50, а то и в 100 р., т.е. расход на свадьбу поглощал годовой бюджет крестьянской семьи. Во многих местностях было принято, чтобы семья жениха платила как бы в награду за невесту «кладку» — «выкупные» или «выводные деньги», которые шли «на стол», «на серьги», наряды невесты, подарки и другие свадебные расходы. Заплатить полагалось от нескольких рублей до ста и более, в зависимости от достоинств невесты и возможностей жениха. Бывало, что кладка повергала семью жениха в долги и нищету. За невестой давалось приданое деньгами и вещами — сундук с бельем и одеждой, постель, домашняя утварь, скотина и пр. Приданое собирали с рождения дочери, иногда оно приближалось к стоимости всего крестьянского хозяйства и грозило разорением.²³

²⁰ Равич С. Из наблюдений городского попечителя. С. 58.

²¹ Ко времени первой раздачи пайка в августе 1914 г. в Особом по городу Петрограду присутствии по призыву семей нижних чинов запаса и ратников государственного ополчения состояло на учете 35 913 семей, в декабре — уже 43 736 семей, к концу 1915 г. — 87 884 семьи, а к 1 июня 1916 г. — 108 826 семей. Увеличение числа семей было вызвано главным образом призывами военнообязанных в войска. Однако заметную часть солдатских семей (более 11 %) составляли приезжие. В 1914 г. в Петроград прибыли из провинции 659 семей, а в 1915 г. — 9 328 семей. С 1 сентября 1914 г. по 1 сентября 1915 г. прибыло 4 042 семьи или в среднем 336 семей в месяц, а с 1 сентября по 31 декабря 1915 г. — 5 945 семей, в том числе 2 321 семья беженцев, или в среднем 1 486 семей в месяц (РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 350. Л. 58). См. подробнее: Булгакова Л.А. Законодательный тупик как следствие конфликта публичных и частных интересов (Замысел разгрузки Петрограда от приезжих солдатских семей в 1916 году) // Публичное, корпоративное, личное право: Проблемы конфликтности и перспективы консенсуальности. Ч. II. СПб., 2005. 289–294.

²² Равич С. Из наблюдений городского попечителя. С. 57.

²³ Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. СПб., 1904. С. 366–367; Пахман С.В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1879. Т. II. С. 63–70; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). С. 174.

Плата причту за венчание была разной, но повсюду она многократно превосходила плату за все прочие требы. За венчание платили примерно 10 р., а за крестины в сто раз меньше — 10 коп., за погребение — 20–40 коп. В.Д. Кузьмин-Караваев сравнивал крестьянскую свадьбу с пожаром: «Как пожар делает в час времени зажиточного крестьянина нищим, обращая в пепел плоды долгих трудов, так свадьба в одну неделю расстраивает его хозяйство на многие годы, обращая на угощение родных и соседей годовой заработок».²⁴

Расходы на свадьбу были непосильны и для прозябающих в нищете горожан. Если не было денег, свадьба откладывалась до лучших времен, которые порой так и не наступали. Бывали случаи, когда жених с вехом и согласия родителей «умыкал» невесту, чтобы избежать свадебных расходов. Такой самовольный брак называли в народе еще браком уходом, уводом или убегом. Всё же в народном быту свадьба была не менее важна, чем венчание. Она знаменовала собой общественное признание брака. Постепенное снижение уровня брачности, начиная с последней трети XIX в., было тесно связано с аграрным перенаселением, падением доходности крестьянского хозяйства и изменением демографического менталитета населения, выразившемся в снисходительном отношении к безбрачию и разводу.²⁵

Несомненно, определённую роль в распространении гражданских браков сыграла секуляризация общественного сознания, падение авторитета власти и православной церкви. Крестьянам свойственно было смотреть на брак как на имущественную сделку. В некоторых местностях, в особенности на Севере и в Сибири, добраться до ближайшей церкви было нелегко. Такое «свадебное путешествие» становилось разорительным для прихожан и вынуждало их отступить от церковных обрядов.

Ещё одной специфической причиной, препятствовавшей заключению законных браков в России, служили ограничения для смешанных, межконфессиональных браков. Лицам православного и римско-католического исповедания запрещалось вступать в брак с нехристианами, а протестантам — с ламаитами и язычниками, хотя лютеранам дозволялся брак с магометанами и иудеями. Переход из одного вероисповедания в другое был отягощён бюрократическими формальностями. При вступлении в брак с лицом православного исповедания от лиц других исповеданий требовалась подписка о том, что рождённые в этом браке дети будут крещены и воспитаны в православной вере.²⁶

По этой причине в 1902 г. Россия отказалась подписать Гаагскую конвенцию, которая предусматривала взаимное признание браков, за-

²⁴ Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. С. 368, 366.

²⁵ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). С. 173–174, 177.

²⁶ СЗ. Т. X. Ч. I. СПб., 1914. Ст. 85, 87, 67.

ключённых в иностранных государствах по их законам, что означало бы признание не только межконфессиональных браков (например, православных с евреями), но и гражданских браков. Если русский подданный гражданским порядком заключал брак за границей, в России этот брак не имел юридической силы и рассматривался как незаконное сожителство. Женщина, вышедшая замуж за иностранца, в таком случае считалась состоящей в законном браке, но при этом она теряла русское подданство.

Серьёзные препятствия к законному браку существовали для «незаписных» старообрядцев, которые в отличие от «записных» или «коренных» старообрядцев по паспорту числились православными, так как их предки в петровское время, когда требовалось объявить о своей вере и «записаться» в раскольники, не сделали этого. Духовные консистории не соглашались признать «заблудших чад» православной церкви, «уклонившихся в раскол», старообрядцами. Посему их браки считались незаконными и недействительными.

В печати подчёркивалась необходимость правовой и общественной защиты внебрачных семей. «Появление на свет ребёнка делает случайную связь продолжительною, а часто и постоянной», — делилась своими наблюдениями петербургская попечительница. — «Не во всех, конечно, случаях, с которыми мне приходилось иметь дело, можно с уверенностью предположить постоянство этой связи; признание и содержание отцом своих внебрачных детей как-никак является актом милости; случаи оставления гражданским мужем своей гражданской семьи бывают сплошь и рядом, и самое поверхностное наблюдение за этими семьями показывает нам всю беззащитность женщины, всю необходимость общественной и законодательной охраны материнства. Но наряду с этим были гражданские семьи, связанные 10—15-летним сожителством и сохранявшие крепкую, внутреннюю связь даже в тех случаях, когда они были бездетны или когда жена была намного лет старше мужа. Можно сказать, что личные чувства, связывающие людей, выступают здесь даже ярче и рельефнее, чем в законных браках, где они заслоняются традициями и бытом. Но в то же время можно сказать, что над этими браками всегда тяготела какая-то трагическая печать; некоторые женщины в течение многих лет жили в постоянном страхе, что всё то, что составляет содержание их душевной жизни, может быть внезапно отнято и разбито. Иногда они проявляли при этом изумительное бескорыстие и беззаветность».²⁷

Попечительства, действуя «по совести и справедливости», стремились по мере возможности оказывать помощь незаконным жёнам и детям, включая приемышей, пасынков и падчериц, наравне с законны-

²⁷ *Равич С.* Из наблюдений городского попечителя. С. 58.

ми. Помимо пайка семьям нижних чинов предоставлялись разные виды помощи: устраивались ясли, дневные и постоянные детские приюты, бесплатные столовые, время от времени выдавалась одежда, обувь, дрова, продовольствие, выплачивались квартирные деньги, организовывалась трудовая помощь в виде разных мастерских и т.п. Однако в отличие от законных жён гражданским жёнам при назначении пайков и других пособий в первую очередь учитывалось наличие детей, имущественное положение и трудоспособность просительниц. Детям уделялось особое внимание, т.к. для общества нет законных и незаконных детей — все они имеют право на его заботу. Таково было господствующее мнение.

Положение законных семей было гораздо более прочным, и внебрачные жёны всеми силами добивались назначения казённого «пособия». Общество было на их стороне. В печати публиковались многочисленные статьи и сообщения о помощи внебрачным семьям. Сотрудник одного из попечительств писал о горе невенчанной солдатки, лишённой казённого пайка: «Пятнадцать лет вместе жили», — плачет Мавра. Мавра не плачь!.. Гражданским жёнам выдается паек полностью из попечительства, «из жертвенных денег». Каждый день получают кредитки и даже полтинники с специальным указанием: «На гражданских жён». Русская публика особенно жалостливая».²⁸

Как ни жалостлива была русская публика, а «жертвенных денег» для помощи внебрачным семьям не хватало. Крайне скудный бюджет местных органов власти, земского и городского самоуправлений также не позволял в равной мере развернуть помощь законным и незаконным солдатским семьям. Зазвучали требования уравнивания в правах на паёк внебрачных семей с законными. Авторы некоторых статей ссылались на пример «культурных стран» и, в частности, воюющей с Россией Германии, где незаконные семьи были уравнены с законными в правах на получение пенсий и пособий от государства.²⁹ Вопрос о несправедливости закона, не считавшегося с житейскими обстоятельствами солдатских семейств, неоднократно поднимался в печати.

Сложность развода, который совершался церковным судом по строго ограниченному поводам, являлась ещё одной из причин создания внебрачных семей. В России разводы составляли ничтожные доли процента, что свидетельствовало отнюдь не о благополучии браков и моральной устойчивости супругов, а о суровости законодательства, препятствовавшего разводу и вступлению в другой брак. В 1905–1913 гг. разводы со-

²⁸ *Тан. Мавра, не плачь!* // Биржевые ведомости. 12 сентября 1914 г.

²⁹ *Рысс П.Я. Рассудку вопреки; Лурье М. Будущее германского хозяйства* // Вестник Европы. 1915. № 8. С. 265–266, и др.

ставляли всего лишь 0.029 промилле, причем главной причиной разводов являлось прелюбодеяние — супружеская измена.³⁰

Супруги, не нашедшие счастья в законном браке, пускались во все тяжкие, чтобы добиться развода. В ход шли взятки и связи. Бракоразводные процессы стоили немалых денег и порой затягивались на долгие годы. Развод по-русски был не намного легче, чем знаменитый «развод по-итальянски». За «ошибки молодости» приходилось расплачиваться всю жизнь. Нерасторжимые брачные узы были причиной множества личных трагедий и бытовых преступлений.

До какого абсурда доходили духовные суды при рассмотрении бракоразводных дел видно из следующего примера. «Один солдат подал в консисторию прошение о разводе, с приложением документов, указывая, что его жена поступила в дом терпимости и что ни просьбы, ни угрозы мужа не могли её оттуда вырвать. Но из консистории получился совершенно классический ответ: проживание жены в публичном доме с целями разврата, а равно и жёлтый билет, выданный жене полицией, не могут служить доказательствами супружеской измены. На этом основании консистория предложила солдату представить двух свидетелей-очевидцев, объяснив, что в противном случае жалоба его останется без последствий, так как только свидетели, которые сами “все видели”, считаются (с консисторской точки зрения) достаточным доказательством прелюбодеяния».³¹

Вопрос о преобразовании бракоразводного законодательства и судопроизводства не сходил со страниц печати, обсуждался в комитетах, комиссиях и особых совещаниях. Однако, как заметил прослуживший четверть века в бракоразводном отделении канцелярии Святейшего Синода С.П. Григоровский, этот вопрос «никогда не доходил до окончательного законодательного разрешения».³² Бракоразводное процессуальное право отличалось архаичностью и далеко не соответствовало требованиям времени. С 1882 г. велась разработка нового Гражданского уложения, которое так и не увидело свет. Составители первой и второй редакции законопроекта не решались внести сколько-нибудь существенные изменения в бракоразводное право и, по мнению А.И. Загоровского, с которым нельзя не согласиться, проявляли «крайнюю робость в своих нововведениях».³³ Брак и развод оставались преимущественно сферой религии и церкви.

³⁰ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). С. 176.

³¹ *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 290–291.

³² *Григоровский С.П.* О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. СПб., 1911. С. 4.

³³ *Загоровский А.И.* Курс семейного права. С. 163.

Для тех, кто не имел денег ни на свадьбу, ни на развод, гражданский брак был единственным выходом из положения. Люди сходились и расходились, невзирая на юридические формальности. Это приводило к запутанным семейно-брачным отношениям в разных слоях населения. Современная исследовательница В.А. Еременко в своей монографии акцентирует внимание на кризисе дворянской семьи. По её мнению, «дворяне менее чем кто-либо были готовы мириться со сложившимся положением» и находились, так сказать, в авангарде нарушителей закона. «Та самая русская дворянская интеллигенция, которая в значительной своей массе выступала с демократическими лозунгами и утверждала приоритет права и законности в политике, в своей семейной жизни демонстрировала бесчисленные примеры нарушения или, по крайней мере, пренебрежения не только нормами действовавшего закона, но и морали. Подобный правовой нигилизм формировался под воздействием политики самой власти, которая, сохраняя старые, отжившие свой век способы регулирования семейно-брачных отношений, ставила людей перед дилеммой: личное счастье или соблюдение закона», — утверждает Еременко.³⁴

Действительно, многочисленные нарушения закона в большой мере являлись следствием устарелости гражданско-правовых норм. Закон, не отвечающий сложившейся жизненной практике, провоцирует правонарушения. Правовой нигилизм был характерен не только для «первенствующего сословия». Как отмечалось выше, обнаруживавшаяся в начале войны массовость незаконных гражданских браков в народе озадачила даже интеллигенцию. Полностью подтвердилось наблюдение Загоровского, который писал: «Браки, существующие юридически и фактически разорванные, представляют заурядное явление».³⁵ Самовольные, гражданские разводы были распространены среди крестьянства и, несмотря на их нелегальность, санкционировались общиной и общественным мнением.³⁶ Столь же заурядным явлением были и новые «самовольные» браки.

В годы Первой мировой войны внебрачные семьи солдат, состоявших в законном браке и не сумевших добиться его расторжения, оказались без всякой помощи. Работникам попечительств нередко приходилось сталкиваться с такими жизненными ситуациями: «“Законная” ушла. Человек “сошёлся” и прижил детей от “гражданской”. Паёк получает “законная”, а гражданская с ребятами пухнет с голоду. А не то: “законная” ушла, бросив мужа и детей. И другая, “гражданская”, воспитывает детей и смотрит

³⁴ *Еременко В.А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб., 2007. С. 579–581, 584.

³⁵ *Загоровский А.И.* Курс семейного права. С. 177.

³⁶ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). С. 176–177.

за домом. Теперь паёк на себя и ребят получает “законная”, а “брачные” дети с “гражданской”, заменяющей им мать, вынуждены побираться». В своей статье под заглавием «Рассудку вопреки» либеральный публицист газеты «Речь» привёл характерный эпизод из работы одного петроградского попечительства. «Выдавался в попечительстве паёк. Запасной уходил на войну и явился в попечительство с гражданской женой и детьми. И тут же находилась “законная” супруга. Она бросила семью и пошла на улицу, но явилась за пайком — своим и детей.

— Глядите, — плакал запасной: — вот всё это белёе мне пошла гражданская жена. Она за детьми присматривает, мать им заменила. А эта — настоящая — гулящая. Не ей паёк надо выдавать, а вот этой, гражданской, что мне жена, а детям мать перед Богом и людьми.

Ребята жались к “гражданской”, которую считали родной матерью, пуча глазёнки на раскрашенную женщину. Та улыбалась:

— А получу я. Так по закону.

Уехал солдат. Конечно, “законная” жена, что ходит по Невскому “и на ленте ведёт собачонку”, пользуясь своим правом, получает паёк жены и детей. Заботится же о последних и добывает средства к жизни — “незаконная”». ³⁷

Тем временем в народе наблюдался подъём религиозного чувства — усиленно посещались церкви, участились молебны, увеличилась брачность, главным образом «среди низшего и среднего класса населения». Мужчины, подлежавшие призыву, спешили обвенчаться и узаконить свои внебрачные связи, длившиеся порой по 10–15 и более лет. Уйти на войну женатыми удавалось не всем. Мобилизация проходила быстро. Многим священники отказывали в венчании из-за нехватки надлежащих документов. Духовенство было озабочено тем, чтобы массовое обращение народа к вере не осталось кратковременной вспышкой в грозную военную пору. ³⁸

Указывая на недостатки закона 23 июня 1912 г., председатель Правления Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, профессор С.К. Гогель писал: «Если исходить из мысли, что мы имеем дело в данном случае с призрением, а не с пенсией, то какие основания исключать так называемые гражданские семьи, весьма распространённые в рабочем классе Петрограда и др. городов и весьма часто, в конце концов, приводящие к цер-

³⁷ Рысс П.Я. Рассудку вопреки.

³⁸ Война и браки // Биржевые ведомости. 14 сентября 1914 г.; Агеев К.М. Война и церковное обновление // Там же. 23 декабря 1914 г. См. также: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004. С. 243–244.

ковному браку. В особенности необоснованно исключение внебрачных детей, которых после закона 3 июня 1902 г. прямо обязан содержать их отец». ³⁹ «Правилами об улучшении положения незаконнорождённых детей» 3 июня 1902 г., на которые ссылался Гогель, на отца возлагалась обязанность нести издержки по содержанию ребенка до его совершеннолетия и содержать нуждающуюся в том мать ребенка, «если уход за ним лишает её возможности снискивать себе средства к жизни». ⁴⁰

Принцип равного права законных и внебрачных детей на призрение и благотворительную помощь проводился на международных конгрессах. Так, например, еще в 1900 г. на III-м международном конгрессе по призрению и благотворительности в Париже было принято постановление о желательности установления одинакового права на общественную и частную благотворительную помощь для законных и незаконнорождённых детей. ⁴¹ В правящих кругах России признавалась необходимость помощи внебрачным семьям нижних чинов. Однако при обсуждении этого вопроса 13 ноября 1914 г. на заседании Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов было сочтено, «что издание закона, в силу которого внебрачная семья получала бы от казны пособие на одинаковых основаниях с семьёю законною, не способствовало бы упрочению устоев законной семьи и, несомненно, умалило бы святость брачного союза в народном сознании». ⁴²

Вместе с тем Верховный совет предложил комитетам, учреждениям и обществам, ведающим дело призрения семей воинов, оказывать благотворительную помощь: «а) внебрачным детям нижнего чина, если они содержались его трудом и если по имущественному положению своему и по имущественным средствам их матери они нуждаются в призрении; б) пасынкам, падчерицам и приёмным детям нижнего чина, если они содержались его трудом и нуждаются в призрении, и в) нуждающейся в призрении матери внебрачных детей нижнего чина, если они содержались его трудом, и уход за его детьми лишает её возможности зарабатывать средства к жизни». ⁴³ Если у кого-то и были сомнения по поводу помощи внебрачным семьям нижних чинов, то после этого решения Верховного совета они отпали.

³⁹ Гогель С.К. Слабые стороны закона 25 июня 1912 г о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 1–2. С. 5.

⁴⁰ ПСЗ III. № 21566.

⁴¹ Адеркас О.К. Отчёт о международном конгрессе по общественному призрению и благотворительности в Париже. СПб., 1900. С. 29.

⁴² Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 1915. № 3. С. 18.

⁴³ Там же. С. 43.

Хотя помощь внебрачным семьям по-прежнему предоставлялась за счёт местного бюджета и пожертвований, одобрение верховной власти оказало влияние на деятельность благотворительных организаций. Более того, государство всячески поощряло благотворительность и выделяло многомиллионные субсидии общественным организациям, так называемым именованным комитетам, ряду городских и земских самоуправлений для оказания помощи жертвам войны, среди которых были и внебрачные солдатские семьи. Без этих государственных ассигнований наладить разветвлённую сеть благотворительных организаций и учреждений было бы невозможно.

В связи с ростом дороговизны в 1916 г. резко усилилось недовольство солдаток своим положением, участились «бабы бунты», погромы лавок, магазинов и рынков.⁴⁴ Как отметил П.П. Щербинин, в борьбе женщин за выживание и равноправие проявлялась радикализация общественных настроений.⁴⁵ В письмах с фронта мужья подстрекали солдаток к бунту: «Бейте, — ничего не будет».⁴⁶ Причин для массовых «беспорядков» было более чем достаточно, но у невенчаных солдаток имелась своя особая причина для недовольства.

Другой, так сказать, легальной формой борьбы за права внебрачных солдатских семей были жалобы и прошения. Многочисленные обращения солдат и их невенчаных жён за помощью подтверждались и поддерживались сообщениями местных властей, ходатайствами и постановлениями общественных организаций. С особой силой эта поддержка выразилась после Февральской революции, пробудившей надежды на справедливое решение вопроса о внебрачных солдатских семьях. Приметой времени стали массовые обращения низовых организаций и учреждений непосредственно к Временному правительству, минуя промежуточные инстанции.

Из разных уголков России поступали постановления и ходатайства Советов, местных губернских присутствий и общественных организаций, прошения солдат и их невенчаных жён с призывом немедленно уравнять внебрачные семьи с законными в правах на паёк. В них сообщалось о крайней нужде внебрачных семей, несправедливости действующего закона и недовольстве солдаток своим положением, принимавшем угрожающие размеры. Разными путями часть многочисленных обращений

⁴⁴ *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962 С. 354–357; *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. С. 264–269.

⁴⁵ *Щербинин П.П.* Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. С. 264.

⁴⁶ *Крестынь Я.П.* Революционная борьба крестьян в годы империалистической войны (1914–1916 гг.). М., 1932. С. 79.

попала в Управление по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел. Можно назвать эти обращения «случайной выборкой». Дела подобного рода хранятся в архивных фондах различных государственных учреждений. За несколькими десятками приведённых ниже примеров стояла серьёзная проблема миллионов людей.

Разорение и запустение крестьянских хозяйств, прежде всего, сказались на самых слабых — тех, для кого ушедшие на войну кормильцы были единственной опорой.⁴⁷ Круг нуждающихся членов солдатских семейств не ограничивался их жёнами и детьми. В этом смысле весьма характерным было ходатайство Пензенского губернского присутствия от 17 марта 1917 г. о распространении выдачи казённого продовольственного пособия на отчима, мачеху, внебрачных жён, внебрачных и сводных детей солдат, если они нетрудоспособны и содержались трудом солдата.⁴⁸

Председатель Кемского уездного съезда по крестьянским делам Д. Песьяков из города Кемь Архангельской губернии обратился 18 марта напрямую к А.Ф. Керенскому с докладной запиской, в которой писал, что действующий закон «лишает массу семейств, кормильцы которых приняты в войска, помощи от государства и предоставляет это дело частной благотворительности. Между тем последняя не всегда и не везде настолько значительна, чтобы систематически помощь оказывалась всем нуждающимся, обыкновенно большинство остаётся без всякой помощи. Если закон допускал, а не карал за внебрачное сожительство, то почему же заставлять страдать внебрачные семьи и лишать их помощи наравне с семьями легальными? Ведь кормильцы нелегальных семей точно так же защищают Отечество и жертвуют за него жизнью, как и кормильцы семей легальных. Справедливость требует, чтобы эта рознь ныне была упразднена и нелегальные семьи призванных в войска пользовались такой же помощью от государства, как и семьи легальные».⁴⁹

Как отмечалось выше, помощь внебрачным солдатским семьям оказывалась на благотворительной основе. После Февральской революции сеть благотворительных организаций, лишившаяся покровительства августейших особ и их приближённых, стала стремительно разрушаться. Верховный совет по призрению семей нижних чинов остался без своей председательницы — императрицы Александры Федоровны, то же произошло с Елизаветинским, Ольгинским, Татьянинским и другими именованными комитетами. В делопроизводственных документах то и дело упо-

⁴⁷ См.: Булгакова Л.А. Положение солдатских семейств в 1917 году (По материалам правительственной корреспонденции) // Новейшая история Отечества XX–XXI век. Вып. 2. Саратов: Наука, 2007. С. 2007. С. 70–88.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 588. Л. 1–1 об.

⁴⁹ Там же. Л. 9–9 об.

минались эти установления «б. императрицы», «б. великой княжны»... Словечко «бывшие» прочно вошло в обиход.

Благотворители утратили стимул к пожертвованиям и доверие к остаткам прежних благотворительных установлений. Средства благотворительных организаций быстро таяли, что нашло своё отражение в ходатайствах. Из-за оскудения местных бюджетов, значительного ослабления притока частных пожертвований и развала благотворительных структур внебрачные семьи лишились всякой поддержки и оказались в бедственном положении.

Градоначальник Ростова-на-Дону, направляя 23 марта министру внутренних дел ходатайство местного благотворительного комитета по оказанию помощи семьям нижних воинских чинов, а также больным и раненым воинам, о распространении права на получение казённого продовольственного пайка на внебрачные семьи мобилизованных, со своей стороны признавал это ходатайство заслуживающим удовлетворения. За 2 года 8 месяцев своей деятельности Комитет собрал свыше 300 тыс. р. на пособия солдатским семьям. «В настоящее же время приток частных пожертвований настолько ослаб, что совершенно нет никакой возможности продолжать деятельность Комитета по оказанию продовольственной помощи брачным семьям в виде добавочного к казенному пайку пособия и внебрачным семьям воинов в виде особого пайка; в то же время Комитет не считает себя вправе совершенно прекратить выдачу пособия семьям наших защитников по соображениям политического и морального характера», — говорилось в ходатайстве Комитета от 19 марта.⁵⁰

29 марта председатель Исполнительного комитета общественной безопасности в Красноярске В. Крутовский препроводил министру внутренних дел копию журнала Общего присутствия Енисейского губернского правления от 23 марта, в котором содержалось постановление ходатайствовать о скорейшем пересмотре закона 25 июня 1912 г. и о введении до той поры временных правил об обеспечении за счет казённых ассигнований внебрачных семейств призванных в войска, включая не только пайки, но и пенсии в случае инвалидности или смерти последних. Прошения о выдаче внебрачным семьям призванных продовольственного пособия наравне с законными семьями поступали в губернские установления с первых дней войны и отклонялись как непредусмотренные законом, «возбуждая тем самым справедливое негодование просителей». Губернские власти передавали эти прошения в местные отделения Елизаветинского комитета, которые не располагали достаточными средствами для того, чтобы ежемесячно выплачивать продовольственное пособие в

⁵⁰ Там же. Л. 3.

размере казённого пайка внебрачным солдатским семьям, обрекавшим-ся действующим законом на голодное существование.

«Такое положение гражданских жён и внебрачных детей, — общее для всей России, — особенно ощущается в сибирских губерниях, где по местным условиям внебрачное сожительство среди крестьян констатируется как заурядное явление», — считало Общее присутствие Енисейского губернского правления. — «Если губернские установления в силу прежних своих ограниченных полномочий принуждены были ранее мириться с ролью лишь простых зрителей безотрадного и явно несправедливого факта беспомощного положения внебрачных жён и их детей, то ныне, с наступлением момента переустройства норм жизненного уклада на началах справедливости, казалось бы настоятельно необходимым обратить внимание Временного правительства на беззамедлительный пересмотр ныне действующих узаконений по сему предмету, с распространением на внебрачных жён и детей как закона о призрении, так и закона о пенсиях, тем более что в этом смысле, как известно, высказывается и местный Комитет общественной безопасности».

В качестве последнего довода в пользу положительного решения этого вопроса Енисейское губернское присутствие ссылалось на то, «что повсеместное в губернии недовольство своим положением гражданских жён и их внебрачных детей до сих пор выражалось в глухом ропоте и что ныне этот ропот несомненно примет размеры угрожающего общественному спокойствию движения».⁵¹

Ущемлёнными в правах были не только внебрачные жёны и дети солдат, но и их внебрачные матери, братья и сестры. 23 марта из Читы обратился в Министерство внутренних дел областной комиссар Забайкальской области с предложением о распространении права на паёк на внебрачных матерей, малолетних братьев и сестёр воинов при условии, если они содержались трудом призванных солдат, указав, что действующий закон в этом отношении едва ли является правильным и справедливым.⁵² Ответ на это и подобные обращения и ходатайства был неопределённым, но всё-таки обнадеживающим: «Если последует расширение перечня получателей пайка, будете уведомлены».

Тем временем поток обращений нарастал. Председатель Семипалатинского областного исполнительного комитета по воинской повинности 30 марта ходатайствовал перед министром внутренних дел о восполнении пробела в законодательстве и распространении действия закона 25 июня 1912 г. на внебрачные солдатские семьи. Как показала практика

⁵¹ Там же. Л. 12–13.

⁵² Там же. Л. 6–6 об.

работы областных учреждений, в большинстве случаев внебрачные семьи до призыва их глав на военную службу находились на содержании призванных. Вследствие продолжительности войны и многочисленности призывов на попечение местного отделения Елизаветинского комитета оказалось значительное число внебрачных солдатских семейств. Средства Комитета иссякали, и он был уже не в состоянии выплачивать всем этим семьям пособие, притом в размере казённого пайка.⁵³

День ото дня набирали силу Советы. Ходатаи стали направлять свои обращения как в правительственные органы, так и в Советы. Дума Нарвского района Петрограда на заседании 10 апреля постановила обратиться в Министерство внутренних дел и в Совет рабочих и солдатских депутатов с ходатайством принять меры к увеличению размера пайка солдатским семьям и ликвидации неравенства в праве на продовольственное пособие между гражданскими и законными жёнами. 26 апреля представление было передано в министерство и в Совет.⁵⁴

Крестьянки ощутили себя уже не бабами, а гражданками, организовывались в союзы и вступали в борьбу за свои права. 11 апреля общее собрание гражданок Онежского женского союза постановило обратиться в Онежский исполнительный комитет с ходатайством о выдаче казённого пайка матерям внебрачных сыновей, призванных на войну. «За все наши труды и лишения, которые мы терпели, чтобы вырастить нынешних защитников родины, нас вознаградили тем, что отняли то пособие, которое получают все матери сыновей, призванных на войну. Просим обратить внимание кого следует на такую вопиющую по отношению к нам несправедливость», — жаловались «внебрачные» солдатские матери. 17 апреля общее собрание гражданок поморского села Кянды Онежского уезда постановило просить Онежский исполнительный комитет об исходатайствовании права на паёк для приёмных родителей, тещ и тестей призванных воинов, содержавшихся до их призыва трудом последних и оставшихся без средств к существованию. 29 апреля Исполнительный комитет препроводил ходатайства и постановления собраний министру внутренних дел.⁵⁵

Сменившие губернаторов комиссары «сигнализировали» об острой нужде и растущем недовольстве внебрачных солдатских семей. Комиссары по гражданскому управлению Туркестанским краем Бельков, Наливкин и Добкевич телеграммой из Ташкента от 4 апреля сообщали Министерству внутренних дел и военному министру о бедственном положении внебрачных солдатских семейств, их недовольстве существую-

⁵³ Там же. Л. 10–10 об.

⁵⁴ Там же. Л. 38.

⁵⁵ Там же. Л. 33–37.

щим порядком назначения пайка и необходимости его изменения. «Вызываемый этим расход не составит крупной цифры при переживаемой дороговизне, внесёт удовлетворение как видимая заботливость нового правительства», — считали комиссары.⁵⁶

17 апреля из Тюменцева (вероятно, села на Алтае) Временному правительству была послана телеграмма следующего содержания: «Лишены пособия отцы, матери, внебрачные дети и жёны призванных в военную службу. Подати платим, хозяйство разоряется. Просим распоряжения. Арефьев с товарищами».⁵⁷ Кто был этот Арефьев с товарищами? Наверное, Временному правительству было известно об этом не больше, чем нам.

21 апреля товарищ председателя Керкинского исполнительного объединённого комитета С.М. Карамянц отправил из Туркмении (Керки Бухарских владений) копию постановления Комитета от 6 апреля в Министерство внутренних дел с просьбой о выдаче казённого продовольственного пособия незаконным солдатским семьям. В постановлении Комитета говорилось, «что действительно многие не имевшие возможности по независящим от них причинам вступить в законный брак и, сожительствуя гражданским браком несколько лет, до призыва их на службу составляли единственную опору для жены и детей; по призыве же мужа жёны и дети, лишившись кормильца и не получая никакого пособия, поставлены в безвыходное положение; между тем с вступлением нового строя и с провозглашением свободы и равенства места подобным придирам не должно быть, почему Исполнительный комитет находит наиболее справедливым признать и за этими внебрачными жёнами и детьми все права законных браков, если будет доказано, что жена действительно находилась до призыва всецело на иждивении призванного мужа и дети принадлежат ему».

Комитет постановил выдавать незаконным семьям солдат пайки со дня их призыва на военную службу и в том же размере, как и законным семьям, о чём доводил до сведения Министерства с просьбой об ассигновании для этого средств.⁵⁸ Весьма показательным это характерное для исполнительных комитетов смещение представления о власти в демократическом государстве: низовая организация принимает решение и ставит о нём в известность вышестоящие инстанции с тем, чтобы были отпущены средства на его выполнение. Местная исполнительная власть диктовала свои условия власти законодательной. Подобным же образом на другом конце России, в Тверской губернии действовал и Корчевский уездный исполнительный комитет, который 25 апреля признал выдачу

⁵⁶ Там же. Л. 15.

⁵⁷ Там же. Л. 14.

⁵⁸ Там же. Л. 16–17.

продовольственного пособия внебрачным солдатским семьям «вполне законной ввиду того, что при новом строе отпадают правовые стеснения, которые были сопряжены с гражданским браком», о чем сообщил для сведения уездному попечительству.⁵⁹

В тот же день общее присутствие Черноморской губернии, обсудив постановление Новороссийского окружного по воинской повинности присутствия от 27 марта, постановило возбудить ходатайство перед Временным правительством о выдаче казённого продовольственного пособия внебрачным солдатским семьям. Пособие предполагалось выдавать внебрачным семьям призванных при условии удостоверения попечительствами факта содержания таковых семей трудом призванных на военную службу. Как и во многих других ходатайствах и постановлениях, это решение мотивировалось «тем, что внебрачные семьи призванных воинских чинов, лишённые казённого пособия, находятся в тяжёлом положении и испытывают острую нужду в продовольственном пособии».⁶⁰

Фактически перед правительством ставился вопрос о признании гражданского брака, но на первый план выдвигалось требование равных прав на паёк законных и незаконных солдатских семей. Признание прав впавших в нужду внебрачных солдатских семейств диктовалось моральными и политическими соображениями. С марта 1917 г. вопрос о предоставлении права на паёк внебрачным семьям и другим родственникам солдат, не получивший разрешения при «старом режиме» из-за сопротивления Государственного совета, разрабатывался в Министерстве внутренних дел и 24 апреля был вынесен на рассмотрение Временного правительства.

В правительственной корреспонденции всё больше места стали занимать телеграфные сообщения. Правительство бомбардировали телеграммами, давая понять, что решение вопроса не терпит отлагательства, иначе надо ждать волнений. 24 апреля в Министерство внутренних дел пришла телеграмма из сибирского города Кургана: «Курганский исполнительный комитет протестует против вопиющей несправедливости лишения права на получение пайков внебрачных семей. Просим отменить сообщённое тобольским губернским комиссаром распоряжение о прекращении такой выдачи, начатой в уезде, ибо проведение его грозит вызвать волнение населения. Председатель Комитета Михайлов».⁶¹

Одна за другой поступали Временному правительству телеграммы сходного содержания. 26 апреля из другого сибирского города — Канска сообщалось: «Собрание солдат г. Канска выражает решительный протест

⁵⁹ Там же. Л. 27.

⁶⁰ Там же. Л. 18–18 об.

⁶¹ Там же. Л. 19.

против разъяснения о невыдаче пайка гражданским жёнам и матерям внебрачных сыновей и требует, чтобы все указанные лица пользовались одинаковыми правами с церковными жёнами и матерями, просят Временное правительство увеличить паёк солдаток и уравнивать паёк детей со взрослыми. Председательница Крюкова».⁶²

На следующий день пришла телеграмма из города Верхнеудинска Забайкальской области: «Комитет на местах вносят в списки пользующихся казённым пайком матерей внебрачных сыновей, братьев, сестер последних, гражданских жён. Положение этих лиц действительно тяжелое — крайняя нужда. Отказ в выдаче несправедлив, вызовет брожение, нежелательное осложнение на местах. Просим спешно разъяснить комиссарам необходимость включения в список лиц упомянутых категорий. Комитет. Шистер».⁶³ 29 апреля из Томска телеграфировали: «Избежание волнений губернии необходим телеграфный перевод ежемесячно 120 тыс. руб. удовлетворение гражданских жён солдат. Просьба немедленном переводе денег марта-апреля. Председатель Временного комитета Гач».⁶⁴

Акмолинский областной комиссар 3 мая сообщал из Омска министру внутренних дел о значительном числе ходатайств гражданских жён солдат и местных общественных организаций, требующих разрешить вопрос о выдаче пайка внебрачным семьям наравне с законными. «Считаю его острым, осложняющим до крайней степени мирное переустройство жизни на новых началах, одни из них самостоятельно разрешили его, удовлетворив гражданские семьи призванных за счёт сумм, отпущенных в распоряжение уездных съездов крестьянских начальников на обеспечение семей в порядке закона 25 июня 1912 г., другие просят соответствующих разъяснений». Областной комиссар считал, «что удовлетворение пособием гражданских семейств должно быть поставлено на первую очередь и организовано на более прочных началах, чем благотворительная помощь», и просил скорее разрешить этот весьма важный вопрос «в положительном смысле».⁶⁵

Немедленно узаконить гражданский брак требовали солдаты. В этом их поддерживали офицеры. Председатель Исполнительного комитета Совета солдатских и офицерских депутатов гарнизона г. Симферополя 5 мая направил председателю Совета министров резолюцию Совета от 25 апреля: «Признавая необходимость узаконения гражданских семей воинов и абсолютное уравнение их в правах с семьями воинских чинов,

⁶² Там же. Л. 22.

⁶³ Там же. Л. 23.

⁶⁴ Там же. Л. 30.

⁶⁵ Там же. Л. 31–31 об.

брачный союз которых освящён Православной церковью, Совет солдатских и офицерских депутатов города Симферополя ходатайствует перед Временным правительством о скорейшем издании закона о введении в государстве гражданского брака; в то же время, зная, что гражданские семьи призванных на военную службу лиц претерпевают крайние материальные затруднения и многие ввергнуты в нищету и бедствия, ходатайствует перед военным министром об издании приказа, устанавливающего полные права гражданских семей воинских чинов на пользование всеми видами пособия со дня их призыва». ⁶⁶

9 мая военному министру и министру внутренних дел была послана телеграмма из Хабаровска: «Благоволите поставить в известность возможно скором времени каком положении находится издание закона гражданских семейств призванных. Избежание дальнейшего обострения местх необходимо немедленное проведение закона. Комиссар Дальнего Востока, член Государственной думы Русанов». ⁶⁷

Не дожидаясь принятия закона, на местах продолжали «в положительном смысле» решать вопрос о пайках для внебрачных солдатских семейств и требовали от верховной власти отпустить средства на их выплату. 11 мая председатель Совета рабочих и военных депутатов г. Николаева Я. Раппо заявил о несоответствии закона 25 июня 1912 г. духу времени и решительно потребовал от Временного правительства санкционировать постановление Исполнительного комитета Совета о немедленном удовлетворении гражданских жён и детей солдат казённым пайком наравне с законными. ⁶⁸

19 мая Мелитопольский временный исполнительный комитет возбудил ходатайство перед министром внутренних дел о немедленном пересмотре закона 25 июня 1912 г. и об уравнивании гражданских жён и внебрачных детей солдат в праве на получение казённого пайка. Как указывалось в представлении Комитета, внебрачные солдатские семьи «буквально голодали и голодают потому только, что призванный часто по независящим от него причинам не мог вступить в брак с женщиной, которая уже фактически была его женой. М.В.И. Комитет признает за этими жертвами старого правопорядка такое же на получение пайков право, как и за законными жёнами и детьми, и полагает, что Новое Правительство должно стать на новую, более справедливую точку зрения». Кроме того, Мелитопольский комитет считал «размер пайка в 7 руб. 86 коп. на душу при существующей дороговизне на продукты продовольствия совершен-

⁶⁶ Там же. Л. 43.

⁶⁷ Там же. Л. 39.

⁶⁸ Там же. Л. 32.

но недостаточным», предлагал увеличить его на 25 % и выдавать в одинаковом размере взрослым и детям, так как дети часто болеют и нуждаются в усиленном питании.⁶⁹

Пространная телеграмма с подробным обоснованием права внебрачных солдатских семейств на паёк поступила 20 мая военному министру из Николаева. «Николаевский общественный комитет просит разъяснения спешном порядке, что незаконная семья призванного на войну имеет такое же право на казённый паёк, как семья законная другого призванного. Основания: первое, Положение 25 июня 1912 года о призрении семейств призванных по мобилизации не отличает законную семью от незаконной; второе, примечание к статье 61 Положения не делает различия между семьей старообрядца, записанной и не записанной в метрическую книгу; третье, призванный по мобилизации незаконный отец с такой же болью оставляет свою семью без средств, как и законный, он наравне с ним вправе требовать, чтобы государство с одинаковой заботливостью отнеслось к его незаконной семье, как и к законной семье другого такого же солдата; четвёртое, если военный министр говорит, что революция создает мощь добрую, великодушную, то незаконная жена проливающего свою кровь солдата должна быть в первых рядах, на которых проливается великодушие. Председатель общественного комитета, градоначальник Леонтович».⁷⁰

В правительственные органы продолжали поступать обращения частных лиц. Краткая, но очень выразительная телеграмма, причём с оплаченным ответом, пришла председателю Совета министров 24 мая: «Умоляю разрешить пособие семье, которого я совсем не получаю, живу 17 лет гражданским браком, имею пять детей, которые голодают, т.к. я служу на военной службе. Федор Романенко. Александрия Херсонская. До востребования».⁷¹

47-летняя «екатеринодарская гражданская жена» 1 июня обратилась к Временному правительству в поисках «защиты и правды». Бедная женщина сама написала письмо-прошение, с тьмой ошибок и без знаков препинания, извиняясь за свою малограмотность — нечем платить грамотею. «Почему вы нас бросили без внимания, нас, несчастных гражданских жён? Разве мы не такие люди и не так же хотим кушать. Наши мужья так же служат, как и законные, но нам обидно, что законным и прибавили паёк, а мы, гражданские, никакого ещё не получаем. Мы должны быть сыты тем, что депутат нам скажет, что мы все равны и все граждане, но в сущности о нас совсем забыли. Пойдешь просить паёк — и станут

⁶⁹ Там же. Л. 44–44 об.

⁷⁰ Там же. Л. 41–42.

⁷¹ Там же. Л. 40.

тебя гонять из одного комитета в другой и ещё накричат — хорошо, что больше не заглянем». Прожив со своим мужем 18 лет в гражданском браке, она, как и многие другие гражданские жёны, осталась без средств к существованию. «Вот такая у нас в Екатеринодаре правда и равенство. Нам только и говорят: “Вам ещё не утвердили”, а мы все должны быть голодными», — жаловалась невенчанная солдатка.⁷²

15 июня военному министру и министру внутренних дел была прислана телеграмма из города Зеи Амурской губернии: «Гражданские жёны Зейского горного [округа. — Л. Б.] солдат революционной армии, крайне нуждаясь, не можем понять, почему мы не уравниены в правах с законными жёнами и почему не получаем казённого законного пайка. При равноправии это противоречит правам свободной державы. Беззаветно дерутся наши мужья — солдаты фронта, льётся их кровь за родину, а в тылу наши слёзы. Уравните всех, высушите детские слёзы, дайте нам хлеба, равноправия, настоящую свободу. Телеграмма подписана тридцатью четырьмя гражданками, что свидетельствую. Окружной комиссар».⁷³

По многочисленным ходатайствам семей нижних чинов, подержанным Советами солдатских и рабочих депутатов, Советами крестьянских депутатов, общественными комитетами, фронтовыми организациями и организациями самих солдаток, 29 мая 1917 г. Временное правительство постановило образовать при Министерстве внутренних дел междуведомственную комиссию для пересмотра действующего законодательства о выдаче пайка. В июне Комиссия провела ряд заседаний при участии представителей министерств: внутренних дел, военного, морского, финансов, земледелия, государственного призрения, продовольствия, Государственного контроля, а также Советов солдатских и рабочих депутатов: Петроградского, Кронштадтского, Московского, Казанского, Харьковского, Томского и Архангельского, Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, петроградских городских попечительств, делегатов от солдаток Петрограда, Казани, Костромы, Архангельска и представителей фронта.⁷⁴

26 июня из Тифлиса пришла запоздавшая телеграмма министру-председателю: «Законом 25 июня 1912 г. не предусмотрено пособие гражданским жёнам солдат, каковые получали пособие от благотворительных [организаций? — Л. Б.], теперь в большинстве испытывающих кризис. При современной дороговизне эти семейства терпят крайнюю нужду. Прошения поступают массами во имя справедливости, человечности, во

⁷² Там же. Л. 50–52.

⁷³ Там же. Л. 48–49.

⁷⁴ См.: *Булгакова Л.А.* Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны. С. 466.

избегание неудовольствия, эксцессов необходимо вопрос пособия гражданским жёнам, их детям взять на счет казны. Предозаком Харламов». ⁷⁵

Председатель Особого закавказского комитета (сокращённо: предозаком), член Государственной думы всех четырёх созывов от Области Войска Донского, член ЦК кадетской партии Василий Акимович Харламов ещё не знал, что 22 июня под напором массовых требований солдат и их внебрачных семей, попечительств, общественных организаций, Советов и местных властей Временное правительство после двухмесячного рассмотрения наконец-то приняло постановление о распространении правил о признании семейств солдат на внебрачных жён, детей, матерей, братьев и сестёр призванных солдат, а также на их приёмных детей. ⁷⁶

В соответствии с этим постановлением внебрачные жёны солдат, имеющие или ожидающие детей, по ходатайству солдат приравнивались к законным жёнам в отношении получения пайка. Внебрачным бездетным жёнам паёк назначался при обязательном условии, если они жили совместно не менее года до призыва и содержались трудом призванного солдата. Внебрачным матерям, братьям, сёстрам и не усыновлённым законным порядком, т.е. через волостное правление, мешанскую управу или окружной суд, приёмным детям (пасынкам, падчерицам и воспитанникам) солдат, принятым в их семьи до призыва, паёк полагался также лишь в том случае, если они содержались трудом призванных. При наличии законной семьи внебрачная семья правом на паёк не пользовалась.

Уравнение невенчаных солдаток в правах на паёк с законными жёнами нижних чинов явилось шагом к признанию гражданского брака. Из-за проблем с разводом многие внебрачные семьи не получали пайка. С начала войны от солдат поступали прошения о лишении их жён пайка за безнравственное поведение и оставление детей без присмотра, а также о выдаче пайка их фактическим жёнам. Заявления солдат не принимались во внимание, и законные жёны призванных в войска по мобилизации получали пайки даже в тех случаях, если не жили с ними совместно до призыва. Выдача им пайков прекращалась только после расторжения брака установленным порядком. В этом духе делались разъяснения на недоумённые запросы попечительств.

За восемь месяцев своего существования Временное правительство приняло 18 законодательных актов, самым непосредственным образом касавшихся православной церкви, в том числе три постановления об отмене национальных и вероисповедных ограничений и о свободе совести, один — о церковно-приходских школах, переданных в ведение Мини-

⁷⁵ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 588. Л. 53–54.

⁷⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Пг., 1917. 4 августа. № 182. Ст. 1019.

стерства народного просвещения, три — о преобразовании правительственных органов, отвечавших за проведение церковной политики.⁷⁷ 14 июля постановлением Временного правительства «О свободе совести» ведение актов гражданского состояния лиц, не принадлежавших ни к какому вероисповеданию, поручалось органам местного самоуправления по правилам, установленным 17 октября 1906 г. для старообрядцев и сектантов. Таким образом, оформление гражданского брака стало возможным для лиц, не имевших религиозных убеждений.⁷⁸

Помочь горю внебрачной семьи при наличии законной по-прежнему было нечем. 10 августа 1917 г. с прошением к Временному правительству обратился солдат Александр Семенович Мельничук. Уже не в первый раз солдат просил о выдаче пайка его внебрачной жене и её 12-летнему сыну, которые жили с 1912 г. на его иждивении вместе с законными детьми одной семьей. В своём прошении он писал о том, что законная жена, бросив его и четырёх детей, ушла к другому «внебрачному мужу», освобождённому от военной службы, а его внебрачная жена, которая воспитывает детей и бережёт его «мизерное хозяйство», буквально голодает, т.к. посева выбиты градом. «Какой с меня может быть сын и защитник родины, если та же родина для меня мачеха? Всех солдат семьи получают пособие от казны, а моя семья остаётся без никакой помощи. И что мне останется делать? Не иначе, как дезертировать со службы и кормить мою семью. Не дать же ей умереть с голода и не допустить же мне, чтобы законная моя жена, не живя со мною, а имея внебрачного мужа-кормильца, и чтобы ещё и пособие за меня получала».⁷⁹

Законная жена солдата на законном основании могла получать пособие не только на себя, но и на своих детей, родившихся уже в другом, фактическом браке. «Незаконные браки солдаток и их незаконнорожденные дети были типичными и вполне привычными для власти и населения явлениями в Российской империи XVIII — начала XX в.», — утверждает П.П. Щербинин.⁸⁰ Однако парадокс состоял в том, что внебрачные дети солдатки считались законными, если её законный муж или она сама не доказывали обратное по суду.

⁷⁷ Соколов А.В. Временное правительство и Русская православная церковь. Автореф. дис. на соиск. уч. степени к.и.н. СПб., 2002. С. 14–15. См., в частности, постановления: 20 марта — об отмене вероисповедных и национальных ограничений, 20 июня — об объединении в целях введения всеобщего обучения учебных разных ведомств в ведении Министерства народного просвещения, 5 августа — об учреждении Министерства исповеданий (Собрание узаконений и распоряжений правительства. Ст. 400, 1014, 1134).

⁷⁸ Собрание узаконений и распоряжений правительства. Ст. 1099.

⁷⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 592. Л. 116–117.

⁸⁰ Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. С. 131.

Распутать этот клубок сложных брачных и внебрачных отношений можно было, только пересмотрев законодательство о браке и разводе. Многократные попытки облегчить порядок развода, не говоря уже о признании законности гражданских браков, наталкивались на сопротивление Святейшего Синода. Ещё в 1916 г. была образована Междуведомственная комиссия для рассмотрения Устава о расторжении браков и признании их незаконными и недействительными. Выработанный Комиссией законопроект о расторжении браков предусматривал расширение поводов к разводу и послужил основой для обсуждения вопроса на Поместном соборе Православной российской церкви, который открылся 15 августа 1917 г. в Московском Кремле.⁸¹

Облегчение разводов при Временном правительстве шло в двух направлениях. Во-первых, была несколько упрощена процедура расторжения браков. В соответствии с определением Синода от 29 апреля — 1 мая бракоразводные дела передавались в ведение духовных консисторий, решения которых утверждались архиереями. При этом отменялось представление формальных доказательств и допускалось участие в «судововерении» неправославных поверенных, имевших право ведения гражданских дел в общих судебных местах.⁸²

Во-вторых, «по снисхождению к человеческим немощам» предусматривалось расширение поводов к разводу. Этот вопрос был вынесен на обсуждение Поместного собора. Предложение о введении гражданского брака не получило поддержки Предсоборного совета, который признал целесообразным оставить заключение брака и судебные решения о разводе в компетенции церкви при условии соответствия этих решений государственным законам.⁸³ Восстановление патриаршества 5 ноября произошло уже после падения Временного правительства. Призывы Поместного собора к общенародному покаянию и осуждение «беснующегося безбожия» не возымели действия.

В ноябре проекты декретов о гражданском браке и о расторжении брака уже рассматривались на заседаниях Совнаркома и ВЦИК. 16 декабря был принят декрет ВЦИК и СНК «О расторжении брака», а 18 декабря 1917 г. — декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния».⁸⁴ Единственной формой брака признавался гражданский брак. Церковный брак, заключавшийся наряду с обязательным гражданским, объявлялся частным делом брачующихся. При заключении и расторжении брака женщины получили равные права с мужчинами. Вне-

⁸¹ Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 255–256.

⁸² Там же. С. 257–260.

⁸³ Там же. С. 262–263.

⁸⁴ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. I. С. 237–240, 247–249.

брачные дети уравнивались с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям.

20 января 1918 г. декретом «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» церковь была отделена от государства, а школа от церкви.⁸⁵ Запись актов гражданского состояния перешла в ведение гражданской власти. 16 сентября (уже по новому стилю) на заседании ВЦИК был принят первый Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, которым подтверждалось, что только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе ЗАГСа, имел законную силу и порождал права и обязанности супругов.⁸⁶

Пожениться и развестись стало проще простого — по обоюдному согласию достаточно было расписаться. Тайнство брака свелось к посещению ЗАГСа. Тем не менее, обсуждение вопроса о расширении поводов к расторжению браков продолжалось на Поместном соборе, завершившемся 7 (20) сентября 1918 г. Собор 7 (20) апреля 1918 г. вынес определение «О поводах к расторжению брачного союза, освящённого церковью», и 20 августа (2 сентября) определение о его дополнении. Однако в сложившейся обстановке решения Собора уже не имели реального значения.⁸⁷ Вслед за царём земным был низвергнут царь небесный. Религия как «опиум для народа» ассоциировалась с самодержавием, угнетением и контрреволюцией. «Служители культа» подверглись глумлению и репрессиям.

После революционных событий 1917 г. в России разразилась сексуальная революция. Под свободой понималась и свободная любовь, свобода от ответственности, имущественных и юридических обязательств. Несмотря на лёгкость брака и развода, незарегистрированные, фактические браки получили большое распространение. В 1920-е гг. страну охватила эпидемия половой распущенности. Кратковременные браки, незаконные сожителства и случайные связи стали массовым явлением.

Приложение

Господину члену Государственной думы Н.С. Чхеидзе

Прошение

береговского сельского писаря Новороссийского округа,
Черноморской губернии
Георгия Коржова

⁸⁵ Там же. С. 371–374.

⁸⁶ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. III. С. 314–343.

⁸⁷ Ход обсуждения «поводов к расторжению церковных браков» на Поместном соборе и ближайшие последствия декретов советской власти о браке и разводе рассмотрены в монографии Е.В. Беляковой «Церковный суд и проблемы церковной жизни». С. 264–322, 606–609.

Свет от занявшейся над Таврическим Дворцом зари уже достиг нашего далёкого, тёмного угла, откуда мызираем с твёрдою верою в светлое будущее нашей Родины, с верою, что восходящее солнце правды уже не померкнет никогда.

Радости ликующего народа неопишуты и, казалось бы, что в эти великие дни не должно бы быть места народной скорби, к стыду народному, оставшейся в невинных сердцах детей борцов за свободу и счастье Родины, — детей, окрещённых тёмною силой именем «незаконных» и «внебрачных», которые, боюсь, и на этот раз останутся забытыми, не получают к празднику, подобно законным, продовольственного пайка и лишены будут возможности иметь в руках своих красное яичко — символ Воскресения Дорогой Родины.⁸⁸

Молю Вас как представителя Кавказского края распорядиться — сравнять в данном случае в правах с остальными этих без вины виноватых малых существ, за что их чистые детские молитвы будут служить Вам залогом успешного доведения до конца начатого Вами великого дела Возрождения России.

Георгий Коржов
9/III-1917 г.,
с. Береговое

РГИА. Ф. 1292. Оп. 7. Д. 588. Л. 21-21 об. Прошение, написанное каллиграфическим почерком на имя депутата IV Государственной думы, меньшевика, председателя Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе, больше месяца ходило по инстанциям. 1 апреля оно было передано из Исполкома Петросовета в Главный штаб Военного министерства, оттуда 26/27 апреля - в Управление по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел.

* * *

Г-ну гражданину
министру юстиции
Керенскому

Рядовой из команды
по сбору оружия
при Штабе 110-й
пехотной дивизии
Илья Ильин Блохин
из граждан Псковской губ.
Новоржевского уезда
Духновской вол.
дер. Филатово

⁸⁸ 10 марта 1917 г. отмечалась «Гражданская Пасха» — Всероссийский праздник русской революции («Праздник Свободы», «Весна России»). Православная Пасха в том году пришлась на 2 апреля (См.: *Рогозный П.Г.* «Вотчина» епископа Никона (Енисейская епархия в 1913–1917 годах) // *История повседневности.* СПб., 2003. С. 118, 120).

Прошение

Я Илья Блохин жил гражданским браком до военной службы с гражданкой Екатериной, вдовой от роду 39-ти лет, и прижито 6-ть человек детей от 2 ½ до 14 лет. Я мобилизован 4-го апреля 1915 года Петроградским воинским начальником и по сие время мои дети не получают денежного пособия. Я со вдовой Екатериной Блохиной повенчался в апреле м-це 1915 г., а детей не успел усыновить, т.к. меня застигла война. Ввиду этого мои дети не получают пособия, потому что они не усыновлены, а прежде чем их усыновить, то их нужно вписать в правах наследства, т.к. у Екатерины Блохиной, т.е. у матери, от 1-го брака оставши надел земли с постройкой и усадьбой, т.е. от умершего отца.

Я столько прибегал к старому подгнившему режиму и правительству с просьбой удовлетворить моих детей денежным пособием и везде получал отказ, но мне теперь пришлось неспосильно их воспитывать, т.к. я уже 1 ½ года нахожусь на позиции, а жена моя при старости лет не может добыть для них пропитания. Ввиду чего всепокорнейше прошу у вас госп-н министр оглянуться на вольных граждан, вырвать их от старого кроважадного правительства и поставить их наравне с вольными гражданами, удовлетворить их пайком, чтобы они не ходили голодными и холодными. Заставьте их вечно благодарить Вас как борцов, освободивших Россию. Да здравствует Республиканская Россия и пожелаю Вам вырвать старый Романовский дом с корнем и сожечь его, чтобы и пыль у нас не существовала, освободивши Русской земли, а которые борцы пали, тем вечно память.

Жена моя проживает: г. Петроград, правая Тентелевская улица, д. 36, кв. 27.

Рядовой солдат Илья Ильин Блохин

Действующая армия

7/IV-17 г.

Там же. Л. 25-26 об. 22 апреля прошение было передано от А.Ф. Керенского министру внутренних дел князю Г.Е. Львову.

* * *

Народному комиссару по военным делам

Петербург — Смольный

Товарищ!

Улучшая положение всех трудящихся, Вы, очевидно, забыли издать закон о сравнении в правах с законными детьми лиц, рождённых «вне брака». Я как один из таких много страдал и в настоящее время страдаю от того, что я по какой-то причине появился на свет не в семье какого-либо буржуа и кровопийцы, а родился от бедной матери «незаконно» — «вне брака». Теперь я служу на военной службе уже 7 лет в подряде, а моя мать не получает никакого пособия, т.к. ей везде отказывают на основании «существующих законоположений», т.к., по словам буржуев, внебрачный сын не подходит под понятие «семейство».

Надеюсь, что мне теперь недолго придется ожидать справедливого сравнения меня в правах с другими.

Покорнейше прошу Вас, Верховный Главнокомандующий, посодействовать об издате соответствующего декрета, т.к. не только я страдаю от этого, но ещё сотни и тысячи товарищей, родившихся «вне брака».

«Внебрачный» солдат

8 дек. 1917 г.

Д<ействующая> армия

Там же. Л. 55-55 об. Подчёркивания в тексте сделаны самим «внебрачным» солдатом. С пометой «В<есьма> срочно» 27 декабря поступило от заведующего канцелярией народного комиссара по военным делам в Управление по делам о воинской повинности. Написано небрежно на небольшом листке бумаги.